

ПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ ОБРАЗНОСТИ

Илья Инишев¹

Abstract

Images and space are involved into complicated and intricate relationships with one another. On the one hand, homogeneous physical space embraces artificial and heterogeneous images. On the other hand, images – at least that we call «strong» images – embody specific space of their own, i.e. «iconic» space. Thus images are a kind of double objects that exist simultaneously in space and as a mode of space. This distinctive feature of images (or iconic objects) plays an important role in contemporary, image-centered culture. Images become the key factor of both our public and private life. From this viewpoint, to study contemporary, visual culture means to pay more attention to the specificity of iconic space. The latter is closely connected with what we call the «iconic plane». The detailed analysis of the iconic plane structure shows how in an image the materiality, spatiality and meaning are interconnected. This interconnection makes a great difference between physical surface and iconic plane. Iconic plane is not a part of physical space but rather an event in which the primary spatiality comes to light. As a result, images proliferating in contemporary culture are a kind of instances which being both in social and physical spaces permanently and inexplicitly change their parameters and configurations.

Keywords: Proliferation of images, iconic plane vs. physical surface, strong images, simultaneity, iconic inversivity, iconization of everyday life.

Введение

Отношения образа с пространством сложны и запутаны. С одной стороны, «внешнее» пространство окружает и поглощает образы. Несмотря на то что пространство современных городов перенасыщено образами и визуальными содержаниями, они воспринимаются лишь как беспокоящие и привносящие дискретность во внеобразное окружение, наделённое к тому же онтологическим приоритетом «реального». Если мы закроем глаза, мы перестанем воспринимать образы, однако при этом не утратим чувства пространства, способности ориентироваться. Внеобразное пространство

¹ Илья Инишев – кандидат философских наук, доцент кафедры наук о культуре НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва, Российская Федерация).

пронизывает собой все слои и все формы опыта. Согласно Канту, мы можем представить себе опыт без каких-либо предметных содержаний, но не можем избавиться от чувства пространства.

С другой стороны, образы отчаянно сопротивляются своей ассимиляции со стороны внеобразных структур и контекстов. По крайней мере, некоторые из них – те, которые можно было бы условно назвать «сильными». В отличие от «слабых» изображений, они непрозрачны. Взгляд не скользит безразлично от одного их элемента к другому и тем более не проходит сквозь них, устремляясь к внеобразному «означаемому». Они требуют от зрителя времени и соблюдения дистанции, которые прерывают обычное течение нашего опыта, постоянно переходящего от одного восприятия к другому, не задерживаясь подолгу ни на одном из них. Ведь то, что на самом деле занимает нас в повседневности, – это выходящая за пределы конкретного восприятия цель.

Восприятие «сильного образа» – не важно, идёт ли речь о живописи, кинематографе или цифровой фотографии, – осуществляется ради него самого и ради того, что в этом специфическом опыте происходит, что в нём показывает себя. Специфика этого опыта состоит в его непереходном характере. Он не встраивается в качестве переходного звена в цепь других опытов и в этом отношении может рассматриваться как автономный: как «предписывающий закон себе самому». Как обособленный, замкнутый на себя и в себе, он не может не обладать своей собственной, особенной пространственностью. Её особенность даёт о себе знать уже в том, что эта пространственность способна трансформироваться в вещьность; способна сокращаться и растягиваться, исчезать и вновь появляться. Другими словами, в отличие от однородной и статичной «реальной» пространственности, образная пространственность характеризуется динамикой и гетерогенностью. Обобщая, в дальнейшем мы будем называть этот опыт и соответствующую ему пространственность «иконическими».

В нижеследующем мы попытаемся дать ответ на несколько вопросов, которые, на наш взгляд, являются ключевыми в теории образа. Как образ соотносится с иконическим, или внутренним, пространством и как с действительным, или внешним? Как эти пространства относятся друг к другу? Наконец, что такое образ?

Мы начнём с констатации очевидного – с ряда наблюдений, касающихся количественных и качественных изменений, произошедших в сфере производства и потребления образных содержаний (*Образы в пространстве*). Затем перейдём к обсуждению вопроса о специфически образном, или иконическом, пространстве (*Пространство в образе*) и закончим схематичным рассмотрением взаимосвязи обоих пространств: образного и внеобразного (*Образ как пространственный медиум*).

Образы в пространстве

Пролиферация образного

Нынешняя эпоха отличается от предшествующих помимо прочего тем, что о ней едва ли можно сказать, что она находит своё отражение в тех или иных – художественных или повседневных – образах. Несомненно, существует немало изображений разного рода, удачно выражающих символику современности. Однако её отличительную черту, как нам представляется, составляет нечто иное, а именно наводнённость, наполненность пространства повседневного опыта различными образами. Перебивая друг друга, вступая в противостояния, заключая альянсы, они каждый день, если не каждую минуту вторгаются в наше визуальное поле, бросая вызов нашим перцептивным возможностям.

Социальная и коммерческая реклама, плотная сеть указателей и объявлений, дорожная разметка, световые сигналы и многое другое занимают собой едва ли не всю доступную нам область видимого. Более того, они пронизывают и насыщают собой внеобразное пространство, постепенно размывая некогда чёткие границы между реальным и воображаемым, исподволь трансформируя саму идею пространственности, сложившуюся за последние четыре-пять столетий в европейской науке и философии. С тех пор эта идея стала неотъемлемой частью повседневного самосознания современного человека. Однако сегодня, закрыв глаза и не видя образов, мы всё ещё остаёмся в сфере действия иконического. Вышеупомянутое чувство однородного пространства, сопровождающее нас повсюду, само стало частью того репертуара образных содержаний, который обуславливает наш теперешний опыт. Современная эпоха (начавшаяся в этом отношении в послевоенный период) характеризуется тем, что вполне уместно назвать пролиферацией образного.

Визуальное/иконическое

Некоторые теоретики говорят в этой связи о «визуальном повороте», о приоритете визуального восприятия, характерном для современной культуры. При всей верности такого диагноза следует, однако, заметить, что смена установок, маркирующая визуальный поворот – переход от языковой коммуникации к визуальной, – мотивирована бесконтрольным и волнообразным распространением образов. Именно характерная для иконических объектов взаимосвязь материального и смыслового, текстуры и структуры способствует тому, что в случае масштабного распространения иконических содержаний в неиконическом пространстве происходит постепенная, но вместе с тем кардинальная перемена в способах производства и трансляции смысла, а в конечном итоге – и в природе самого неиконического пространства, которое до известной степени «иконизируется».

Для понятной фиксации этих перемен предикат «иконический», как нам представляется, подходит значительно лучше, нежели аморфное прилагательное «визуальный». Опыт, о котором идёт речь, т. е. иконический опыт, обладает особой структурой. Визуальность здесь хотя и важная, но всё же не специфическая (даже подчинённая) черта. Образ – это не только иконический знак, пассивно выполняющий навязанную ему функцию специфического означающего. Образ – это и генеративная среда, не только передающая, но и порождающая смысл характерным для неё способом, что служит дополнительным подтверждением неслучайности и важности темы пространственного измерения образности.

Сильные/слабые образы

Конечно, далеко не все образы способны служить такого рода генеративной средой. Напротив, большинство из них – и прежде всего так называемые «слабые образы» – имеют иное предназначение и, соответственно, структуру. Различение «слабых» и «сильных» образов следует рассматривать как идеально-типическое, а не как «фактическое». Основная часть образных содержаний, с которыми мы сталкиваемся в повседневности, представляет собой гибридные образования; для них характерна полупрозрачность. В отличие от «сильных» образов, они не задерживают на себе взгляд, вынуждая пребывать при них. Они лишь на мгновение прерывают привычное течение опыта, пропускают его сквозь себя, насыщая при этом новыми взаимосвязями и содержаниями. В отличие от «сильных» образов основной эффект «слабых» в отношении действительности можно охарактеризовать не как «генеративный», а как «трансформативный». Они не столько генерируют новые смыслы, сколько трансформируют старые – те, которые сформировались во внеиконических контекстах. Но как «сильные», так и «слабые» образы не репродуцируют, а производят реальность. Однако делают это по-разному и в разных масштабах. Различия в продуктивных способностях между различными типами изображений тесно связаны с их пространственной структурой. Как раз характерная для иконических объектов структурная связь между содержательным (предметным) и пространственным делает их специфическими, эффективными и неизбежными посредниками между миром и человеком. В дальнейшем мы вкратце поясним природу этой связи. При этом мы будем ориентироваться на «сильные» образы, под которыми подразумеваются, прежде всего, двумерные иконические объекты из сферы искусства. Следует, тем не менее, подчеркнуть, что их принадлежность к сфере искусства – это не одна из предпосылок, а, скорее, одно из следствий их статуса как «сильных» иконических объектов.²

² Идею различения сильных и слабых образов мы заимствуем у Готфрида Бёма, который в свою очередь предложил эту дистинкцию, ориентируясь на концепцию образности Ханса-Георга Гадамера (см.: Boehm G. *Wie Bilder Sinn erzeugen. Die Macht des Zeigens*. Berlin, 2007.

2. Пространство в образе

Образ/отображение

Тесная связь образности с пространственностью даёт о себе знать уже на этапе экспозиции проблематики иконического. Столь необходимую здесь верную оптику мы обретаем только тогда, когда отказываемся обсуждать специфику образного в терминах отображения и копирования. В противном случае мы опираемся скорее на определённые и к тому же давно устаревшие теории, нежели на собственный опыт, который – как будет показано ниже – имеет ключевое значение для «предметной» характеристики образного.

Рассматривать образ как «объект-отображение», связанный отношением сходства с другими объектами, значит находиться вне контекста самого образного восприятия. Сопоставление любых объектов представляет собой в большей степени понятийно-аналитический, нежели перформативно-перцептивный процесс. Мы сопоставляем между собой отдельные свойства объектов, абстрагированные от них и скорее мыслимые, чем воспринимаемые. Даже восприятие сопоставляемых свойств представляет собой аналитическую процедуру, т. е. основывается на селекции, направляемой понятийным мышлением. При этом сопоставляемые объекты «попросту» идентифицируются, то есть подводятся под соответствующее понятие. И если «неиконические» объекты не утрачивают при этом ничего из своего «существенного» содержания, то в случае образов потери при «идентификации» будут фатальны. Для образа вовлечённость в процесс восприятия – это не только присутствующая ему возможность (как и для любого другого материального объекта), но и то, что всякий раз составляет его действительность. В отличие от неиконических объектов, например предметов домашнего обихода, «субстанцию» которых составляют стабильные (повторяющиеся и повторяемые) прагматические взаимосвязи, образы заключают несущие их связи в себе. Поэтому их восприятие представляет собой не идентификацию (*встраивание* в <заданные> контексты), а, по выражению Вилема Флюссера, «сканирование» (*выстраивание* контекстов).

В итоге правильная, на наш взгляд, оптика при теоретическом рассмотрении образов формируется в результате «горизонтализации» иконического отношения, под которым мы понимаем отношение между образом и тем, что в нём репрезентируется, то есть его «содержанием». И если «вертикальный» взгляд на иконическое

S. 245–248). Слабому образу у Гадамера соответствует «отображение» (*Abbild*), сильному – «образ» (*Bild*). Предлагаая революционную концепцию образа, Гадамер рассматривает его специфику, по сути, в традиционной перспективе – в перспективе соотношения изображение/изображённое, игнорируя материальную структуру самой иконической плоскости (иконического пространства). Мы же – вслед за Эко и Гудменом – рассматриваем отношение образного пространства к действительному как эффект самой иконической плоскости.

отношение выходит за пределы иконической плоскости, рассматривая связь между ней самой и тем, что на ней репрезентируется, как разновидность отношения между означающим и означаемым, то «горизонтальная» перспектива предполагает пребывание или даже прогрессирующее погружение в саму иконическую плоскость.

При этом следует отметить, что материальная структура иконической плоскости существенно отличается от материальной структуры физической поверхности. Кроме того, сосредоточение на иконической (изобразительной) плоскости приведёт нас к ответу на вопрос о характере отношений между образом и пространством. Но начнём мы с основания различения физической поверхности и иконической плоскости.

Плоскость/поверхность

С одной стороны, это различие основывается на наблюдении; другими словами, оно – эмпирическое. С другой стороны, различие иконической плоскости и физической поверхности имеет нормативный характер. Оно задаёт систему координат, в рамках которой может быть проведено различие между специфически иконической и физической материальностью.

Физическая поверхность, как нам представляется, характеризуется принципиальной множественностью. Любая поверхность ограничивается другой поверхностью. Сосредоточение на какой-то одной физической поверхности всегда возможно только на основании предыдущего восприятия других – смежных – поверхностей (которые присутствуют в восприятии отдельной поверхности в качестве необходимого предела). Опыт физических поверхностей дискретен, что, очевидно, составляет основание континуальности опыта физических предметов. Иконическая плоскость – что следует из самого термина – принципиально единична, сингулярна. Она не имеет физических границ (если не путать её с физической поверхностью, составляющей коррелят не специфически иконической, а перцептивной установки в контексте повседневного опыта). Будучи феноменальной (то есть зримой, экстернатальной), она тем не менее не принадлежит взаимосвязям физического мира. Иконическая плоскость, по выражению Ж.-Л. Нанси, представляет собой «дистинктное», или, по выражению Х.-Г. Гадамера, «абсолютное». Физическая поверхность имеет своего носителя. Слово «поверхность» всегда требует дополнения в родительном падеже. Она всегда «чья-то». Кроме того, поверхность предполагает скрывающуюся под ней глубину, без которой она немыслима. Плоскость же абсолютна, т. е. «отдельна» как «грамматически», так и «фактически».

Ввиду своих объективных характеристик иконическая плоскость вполне может быть рассмотрена как представительство «идеального» в «реальном», как своего рода «внутримировая трансценденция». Будучи частью мира, иконическая плоскость выходит

за его пределы. Предметность, пространственность и «абсолютность» сильного образа – взаимосвязанные черты. Их взаимосвязь способна пояснить, на чём основывается ряд эффектов, производимых изображениями: их способность внушать нам определённые смыслы, минуя инстанцию разума; производимое некоторыми из них впечатление, будто они обладают субъективностью; их способность коммуницировать с «внешней» действительностью, по видимости её игнорируя.

Пояснить источник и природу этих эффектов могла бы, на наш взгляд, такая важная черта иконической плоскости (неважно, идёт ли речь о «сильных» или «слабых» образах), как симультанность. Она же способна внести дополнительную ясность в вопрос, в чём же состоит принципиальное различие между иконической плоскостью и физической поверхностью?

Симультанность

Значение фактора симультанности, или одновременности, связано с тем, что восприятие иконической плоскости подчиняется особым условиям. Все элементы иконической плоскости должны быть восприняты одновременно. Это – базовая предпосылка для возникновения иконического опыта в собственном смысле: для восприятия изображённого. Вследствие симультанности восприятия иконических элементов (элементов изображения) происходит трансформация пространственных отношений: метрические (каузальные) отношения между ними трансформируются в грамматические (смысловые). Грамматические, или смысловые, отношения – в отличие от метрических – не организуют заданные элементы, а только и делают их зримыми в составе образа. На иконической плоскости материальное и смысловое составляют несамостоятельные аспекты зримого, чистой явленности, различимые только аналитически. Зримое – это не только «изображённое», а вся иконическая плоскость, всё иконическое пространство.

Образ – не явление в пространстве, а пространство явления. Его пространственная природа даёт о себе знать в реляционном характере иконической плоскости, которая состоит не столько из физических элементов, сколько из отношений. Однако эти отношения – не отношения между зримым, а отношения зримости. Благодаря им и сквозь них становится зримым всё, что принадлежит образному восприятию, в том числе и сам образ, сама иконическая плоскость.

Чистая зримость

Иконическая плоскость показывает себя, показывая что-то другое, а именно то, что представлено в образе. Она показывает себя в изображённом и вместе с ним. Между изображением (иконической плоскостью) и изображённым (образом в строгом смысле)

существует своего рода диалогическое отношение. При осуществлении восприятия образа материальные элементы иконической плоскости входят в состав образного содержания, которое в свою очередь воплощено в материальных элементах образа. Образ – это промежуточное, медиальное «образование», колеблющееся между чисто смысловым и чисто материальным, между индивидуальным и универсальным, присутствием и отсутствием, пространством и вещью. Смотреть на образ – это значит всегда смотреть сквозь изобразительную плоскость. Но, с другой стороны, сосредоточиваться на «изображённом» – это значит всё больше погружаться в саму иконическую плоскость, впутываясь в составляющие её отношения. Зримая предметность и зрительное пространство здесь совпадают до полного неразличения. Область, расположенная по эту сторону различия пространства и объекта, – это область чистой зримости, или чистой явленности, составляющей предпосылку для всех последующих дифференциаций.

Как область чистой зримости, как первичный медиум явленности сфера образного³ заключает в себе нечто, что не вписывается в традиционную – дихотомическую – систему понятий: реальное/воображаемое, субъективное/объективное, внешнее/внутреннее. Тем самым образ и действительность не разделены пропастью. Напротив, опыт действительности и образный опыт взаимосвязаны и взаимобратимы. Эту взаимную обратимость, наблюдаемую в повседневной жизни и составляющую сегодня её неотъемлемую часть, мы предлагаем именовать «иконической инверсивностью». Тем самым мы переходим к третьей, заключительной, части наших рефлексий.

3. Образ как пространственный медиум

Инверсивность

Иконическая инверсия, или переход от специфически иконического к подчеркнуто неиконическому и обратно, осуществляется в двух смыслах: как переход от иконического опыта к действительному и как движение внутри опыта образного, как его последовательное развитие. В первом случае сформированные и усвоенные в иконическом опыте грамматические взаимосвязи, составляющие основание метрических отношений, переносятся в «действительность», образуя предпосылку и фон для разнообразного прагматически мотивированного и ориентированного поведения в ней. Во втором случае они составляют пространство интенсивного пребывания, во время которого эти связи эффективно ассимилируются субъектом. Именно эта форма специфически иконического опыта (пребывания) делает возможным и необходимым первый тип инверсии. Тем самым переход от иконического к действительному и обратно возможен благодаря тому, что в рамках самого иконического восприятия нам доступны некоторые из существенных

³ Отметим ещё раз, что речь здесь идёт только о «сильных» образах.

взаимосвязей действительности, а именно «грамматические» отношения, составляющие «онтологическую» предпосылку метрических пространственных отношений. Если в «действительности» эти «грамматические» связи присутствуют в модусе фонового, т. е. *имплицитного, условия пространственного опыта*, то в иконическом восприятии они образуют *эксплицитное пространство опыта*.

Интенсификация

В этом отношении и в этих пределах восприятие сильных образов (уместно напомнить, что речь в этом случае идёт по преимуществу о художественных образах) следует квалифицировать не как приостановку опыта действительности, а, напротив, как его интенсификацию. Интенсификация заключается, *во-первых*, в непереходном характере иконического восприятия. Оно осуществляется – как было отмечено выше – ради себя самого и в себе самом. Оно само составляет пространство своего осуществления. В этом случае уникальным образом интенсифицируется присутствие субъекта опыта. Его присутствие не только дискурсивно констатируется, но и интенсивно (тематически) переживается им самим. *Во-вторых*, интенсифицируется присутствие мира. Интенсификация в этом случае состоит в переводе метрических отношений между явленным в грамматические отношения явленности и обретении этими последними максимальной степени плотности. В этом и состоит момент трансцендирования образом своей партикулярности в направлении универсального, то есть мира. Это как раз то, что Хайдеггер сформулировал в своих докладах об «источке произведения искусства» как «утверждение истиной самой себя в творении». Х.-Г. Гадамер в этой связи говорил, как известно, о «приросте бытия» в образе, который он пояснял как «прирост значения». ⁴ Мир присутствует в большей степени, когда становятся зримы первичные структуры мира (грамматические отношения), которые к тому же образуют на время пространство актуального переживания. Это обнаружение первичных (грамматических, или смысловых) структур, или связей мира, происходит при восприятии некоторых образов. При этом восприятие не встраивается в цепь других зрительных актов, а обретает характер пребывания в особом пространстве.

Но особое не значит выходящее за рамки повседневного опыта. Спектр форм образности и, соответственно, типов специфически иконических пространственных опытов крайне широк. Но даже крайние, отличающиеся максимальной степенью плотности иконического пространства (и в этом смысле непроницаемые) образы составляют часть повседневности, хотя лишь ту, что заключена в своего рода культурные резервации: музейные хранилища, выставочные и сценические пространства.

⁴ Gadamer H.-G. *Gesammelte Werke*. Bd.1. Tübingen: Mohr Siebeck, 1999. S. 159.

Ввиду обилия форм образного, а также процессуальной, событийной природы образов понятие образа имеет не столько дескриптивный, сколько нормативный характер. В меньшей степени образ – это род объектов, и в большей – разновидность опыта. Едва ли не любой опыт при определённых условиях может обрести и обретает иконические черты. Образное – это универсальное измерение (или внутренняя тенденция) социальной действительности, тесно связанное с её специфической пространственностью. Образное, как нам представляется – понятие градуальное. Понятое в предложенном нами смысле, оно должно было бы допускать сравнительную степень. Это связано с тем, что образ – это в первую очередь процесс и событие и только во вторую – факт и объект. Из этого также следует, что «сильные» двумерные образы, в ориентации на которые выше схематично излагалась проблематика иконического пространства, представляют собой не столько класс реальных объектов (например, произведения искусства), сколько нормативный горизонт опыта и рефлексий, в том числе классификации типов образного и процессов иконизации.

Иконизация и опространствливание

В заключение вернёмся к некоторым мотивам и темам, представленным во введении и первой части.

Внутренняя связь образности и пространственности имеет множество аспектов и следствий. Среди них: генерирование и презентация первичных (смысловых, грамматических) пространственных связей, трансформативное воздействие на субъективность, учреждение и распространение внеязыковых форм трансляции смыслов. В конечном итоге речь здесь идёт о структурной связи материального, смыслового и пространственного. Эта связь и позволяет образу выступать в роли не только объекта, но и субъекта социального действия. Очевидно, что оставалось лишь дожидаться подходящих условий, чтобы эта специфика образного стала важным фактором социальной жизни.

Современная социальная жизнь всё более иконизируется, что находит наиболее яркое выражение в образных принципах организации современного городского пространства. При этом образы оказались не только бенефициарами, но и катализаторами произошедших трансформаций. Электронные каналы коммуникации и информации, цифровые технологии и прогрессирующая эстетизация повседневности не только способствуют распространению образных содержаний и визуальных форм коммуникации, но и сами подпитываются внутренне присущими образам формами учреждения пространства.